

МОВОЗНАВСТВО. ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВО

УДК 81(091);81(092)

DOI <https://doi.org/10.24919/2308-4863.1/23.166086>

Гызылгюль Агали кызы АБДУЛЛАЕВА,
 доктор философии по филологии,
 доцент кафедры тюркологии
 Бакинского государственного университета
 (Баку, Азербайджан)

ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛЕД ДРЕВНЕГО ТЮРКСКОГО ЛЕКСИЧЕСКОГО СЛОЯ В СЛОЖНЫХ СЛОВАХ (XVII ВЕК)

В статье исследуются лексические единицы, ставшие архаизмами в XVII веке. Отмечено, что утратившие интенсивность и частоту употребления, носящие архаический характер словарные языковые единицы, хоть и не употребляются в литературном языке, все же не исчезли бесследно, они живут в нашем и ряде современных тюркских языков. В ходе исследования устанавливается, что часть этих лексических единиц хранится в коренных морфемах слова, а другая часть – внутри сложных слов. Объектом исследования выбраны древнетюркские слова, ставшие компонентами сложных слов. Хоть эти лексемы многими воспринимаются как непонятные, на самом деле они являются древними тюркскими словами, употреблявшимися в литературном азербайджанском языке XVII века, а также во многих классических литературно-художественных языковых примерах, но затем стали архаизмами. Это те слова, которые сегодня продолжают исполнять роль компонентов сложных языковых единиц, со своей фоноформой, исторической семантикой.

Ключевые слова: древнетюркский язык, XVII век, сложные слова, лексические единицы, архаизация, литературный язык, коренные морфемы, компонент, семантика, фоноформа, словарный состав.

Gizilgul Agali Kyzy ABDULLAEVA,
 Ph. D. of Philology,
 Associative Professor at the Department of Turkology
 Baku State University
 (Baku, Azerbaijan)

HISTORICAL TRACE OF ANCIENT TURKIC LEXICAL LAYER IN DIFFERENT WORD (XVII CENTURY)

In article it is spoken about the lexical units which have taken a way of an archaization since XVII century and owing to left language. It is found out that lost intensity and the frequency of the use having archaic character dictionary language units, though left the literary language, nevertheless didn't disappear completely, they live in our modern language, and also a number of modern Turkic languages. During research is established that part of these lexical units are stored in radical morphemes of the word, and other part in compound words. In this article the ancient turkic words which have become a compound component of compound words are chosen as object of research. As a result of research it becomes clear that though these lexemes are understood by many others as unclear words, actually they are the ancient Turkic words used in literary Azerbaijani language of the XVII century, and also as a whole in language of classical literary and art language samples, but further archaized and left language. These are those words which today though secretly, but live as one components of difficult language units with their phonoform, and historical semantics, and find it's historical traces. In article it is especially emphasized that the majority of these language samples forming settled life in a compound word as one components thanks to a miracle of language, making equivalence with other component reflect semantics of unambiguity.

Key words: ancient turkic language, XVII century, compound words, lexical units, archaization, literary language, radical morphemes, component, semantics, phonoform, dictionary structure.

Конец XVI – начало XVII в. знаменуется началом новых внутриязыковых процессов. Процессы дифференциации, стабилизации, демократизации вступают в новую фазу развития, обеспечивая становление национального языка в качестве ведущего, его победу над иностранными языками.

Меняется роль персидского и арабского языков, они приходят в упадок. Наряду с персидским, являющимся иностранным языком, слог аруз, жанры классического стиха также постепенно утрачивают свои ведущие функции. Эти процессы, ставшие причиной коренных изменений,

затрагивают и словарный состав языка. Арабские и персидские словарно-языковые примеры употребляются реже, уступая место лексическим единицам тюркского происхождения, общепотребительным арабским и персидским словам. С другой стороны, процесс архаизации становится системным. Некоторые лексемы, распространенные до XVII в., устаревают. Но, несмотря на то, что эти древние тюркские слова, зафиксированные в словарном запасе азербайджанского литературного языка XVII в., употребляются реже, архаизируются, они полностью не исчезают. Часть этих лексических единиц, хоть и тайно, живет в современном азербайджанском языке, а также в ряде тюркских языков, в коренных морфемах или в компонентах сложных слов. Группа лексем, зафиксированных в словарном составе азербайджанского литературного языка XVII в. (язык классической литературы), хоть и утратили самостоятельность, но функционируют в качестве компонентов сложных слов. Это подтверждается следующими примерами.

Biliş. Словарное значение этой лексемы, зафиксированной в азербайджанском тюркском XVII в., – *taniş* («знакомый»):

*Kop yanımdm lımnışın kim, şöhlıgdür ahi-garm,
Qıl həzər Tanrı üçün, bilməm bilişini, yadı ot*
(Садигбек Афшар).

Слово *biliş*, часто употребляемое в литературном языке до XVII в., сегодня используется в лексеме *taniş-biliş* и хранит исторически присущее ему значение, создавая парность *taniş-biliş*.

Dügün. Эта лексическая единица встречается в одном из источников XVII в., слово фиксируется в значении *toy* («свадьба»):

*Ay haçan gördü günü, Gör dərdi, gör dügünü,
Cənnətdə görməz Aşıq Qoynunda gördüyünü*
(Sarı Aşıq).

Несмотря на то, что не употребляется в нашем языке в самостоятельной форме, оно используется как элемент одного из сложных слов: *toy – düyün* (*dügün*). Разумеется, у слова *düyün* есть также семантика *düymək, düyünləmək, bağlamaq* («повязать»). С этой точки зрения слово *düyün*, являющееся носителем семантики *toy*, омонимично *düyün* (по содержанию *bağlamaq* (*düyünləmək*). По нашему мнению, несмотря на смысловое различие, наблюдается сходство в нюансах. Так, в свадебных церемониях, по поверьям, привязывание друг к другу жениха и невесты поясообразной красной тканью (вспомните свадебные церемонии, проводимые в Индии) сулит удачу и крепкую семью. Сегодня в наших свадебных торжествах опоясывание невесты воспринимается как отго-

лосок этого древнего обычая. Таким образом, рассматриваемые лексемы близки по содержанию. Зафиксированное в литературном азербайджанском языке XVII в. и не встречающееся сегодня отдельно слово *dügün // düyün*, выступая в роли компонента сложного слова *toy-düyün // dügün*, имеет значение «свадьба-свадьба». Встречается употребление этой лексической единицы, сохранившейся как факт литературного языка в турецком тюркском наряду со словом *toy* («свадьба»), в азербайджанском тюркском XVII в. (*Qoyub rəhmani çün vəsvasə döndü, onun çünki toyu bir yasə döndü* (Федаи)), она уже проигрывает ему с точки зрения частоты употребления. Нам кажется, что наличие слова *toy* в словарном составе современного азербайджанского языка является результатом влияния общенародного разговорного языка. Когда какая-нибудь из лексических параллелей закрепляется в общенародной речи, то становится употребляемой в современном языке, в литературном языке закрепляется именно это слово.

Например, *xatun* на языке источников XVII в. означает *xanım* («госпожа»). Несмотря на то, что эта лексема, свойственная древнетюркскому языку (*katun*), не может самостоятельно употребляться в данное время, она закрепляется в составе сложного слова *xanım-xatun // xatun*. Снова очевидно общее содержание отличных по фонетическому составу лексем (*xanım-xanım*). Сегодня слово *xatun* (*xatın*) означает «жена», «женщина» на шекинском диалекте: *Gördi bir gözəl xatun var*. В гахском же диалекте мы наблюдаем закрепление этой лексемы в составе словарной единицы *xatınşı*. И в этом диалекте слово означает «жена», «женщина» (*Doqqazda xatınşılar döyüşür*).

Лексема *bərli* также является одним из тех словарных языковых примеров, который вызывает особый интерес в литературном азербайджанском языке XVII в. и архаизируется:

*Yana nə gülbuni-vəsl idi kim, şüküftə bolup,
Bahar verdi xəzan bərli bustanımgə* (Садигбек Афшар).

Как видно из контекста, эта лексическая единица сочетается с семантическим содержанием *bəzakli* («нарядный»). Это слово реже употребляется с XVII в. и не закрепилось в современном языке. Но сохранился его исторический след. Слово *bərli-bəzakli*, активно употребляемое как в нашем современном литературном языке, так и в живой разговорной речи, является тому подтверждением. Значит, это сложное слово, хоть и утратило самостоятельность, все же проявляет свою историческую фоноформу и первичное историческое содержание в качестве компонента сло-

варного языкового примера. Оба слова являются производными, сформировавшимися морфологическим путем. В этом случае коренная морфема (*bər-*) лексемы *bərli* тоже соответствует значению *bəzakli*. В результате, оба слова, имеющие исторические корни нашего языка (*bərli* и *bəzakli*), употребляются в современной речи. Не случайно наряду с лексемой *bərli-bəzakli* сегодня употребляется и слово *bər-bəzak*. Оба слова несут одинаковую семантическую нагрузку: *bərli-bəzakli* = *bəzakli-bəzakli*; *bər-bəzak* = *bəzak-bəzak*.

Лексическая единица *yaхмаq* входит в язык источников XVII в. В значении *yandırmaq* («жечь»): *Kəram qıl, istəram ver mənə rüsxət Ki, yaxdı bağnı hicranı fırqət* (Fə dai); *Şəmdən ötrü özün pərvanə yaxmış odlara* (Zəfər).

Несмотря на то, что эта лексическая единица, сегодня употребляемая в ином значении (*Yağı çörəyin üstünə yaxdım*), отделилась от своей исторической семантики, она сохранилась в своем первичном значении в слове *yaxıb-yandırmaq*. Таким образом, *yaxıb-yandırmaq* еще раз эквивалентизирует в себе значение *yandırmaq-yandırmaq*.

Хотя процесс системной архаизации начался в XVII в., не только словарные языковые примеры лексики данного периода, но и сам факт сохранения в современном азербайджанском литературном языке в несамостоятельном виде слов, относящихся к лексическому составу классической литературы до этого временного отрезка, даже тюркских письменных памятников, являющихся общим для тюркоязычных государств, является реальностью. *Qadaş* – одна из лексических единиц, вызывающих особый интерес. По семантике она эквивалентна слову *qohum* («родственник»). Сочетание лексемы со словом *qardaş* является неопровержимой истиной. Этот языковой пример, первая форма которого зафиксирована в виде *qarındaş* (*Qazan bəgün qarındaşı Qaragünə bindi* («Китаби-Деде Горгуд»)), созвучно семантике *qarında ortağ* (*qarın + da + eş*). Это фиксируется в азербайджанском литературном языке XVII в. и в форме *qərindəş*: *Zahir sənə olsım, ey qərindəş, Munlar qəmidür başına şabaş* (Масихи). В нашем языке есть и понятие *bacının qardaşı* («брат сестры»), которое Абу Хайан толкует как “*qarındaş–bir anadan qardaş*” (Абу Хайан, 1992: 13). Еще, как мы отмечали выше, существует слово *qadaş* (*qardaş* («брат»)), определяющее историческое значение (*qohum* – «родственник»), что вызывает интерес как реальный факт самостоятельного употребления того словарного языкового примера, который параллелизируется в источниках именно этим значением:

1. *Kadaşım eren eşukeyi yoğladınız* (памятник из музея Минусинск, III сторона). (*Родственники мои отважные, вы похоронили меня обернув в ткань.*)

2. *Kanımla kadaşım sizime, oğlanım sizime, örünümlə karam siz beş igirmə sizime* (Кежилик-хобу). (*Идущий за мной, родственники, от вас; молодые мои, от вас, мои блестящие, от вас, мои стада, от вас; вы – пятнадцать, от вас.*)

Словарный языковой пример одинаковой фоноформы (*kadaş*) встречается в произведении Юсуфа Баласагунлу “*Qutadğu bilig*”. В нем эта лексема употребляется в значении *qohum, əqrəba* (Древнетюркский словарь, 1969: 178). Несмотря на то, что в лексической системе современного азербайджанского языка не фиксируется факт самостоятельного употребления этого слова, оно употребляется в составе сложноструктурного слова *qohum-qardaş* с небольшим фонетическим изменением, в качестве второго компонента. Вероятно, исторически в результате выпадения дрожащего носового согласного [r] образовалась эта фоноформа. В данное время *qədəş*, употребляемое в бакинском диалекте при обращении к близкому человеку, является доказательством сказанному. В итоге, два одинаковых по семантике слова выражают одно значение (*qohum-qohum*). Встречается и вариант *kağadaşım* этой лексической единицы: *kağa* (достаточно вспомнить слово *qağa*, употребляемое в устной ветви азербайджанского тюркского, то есть в разговорной речи) – термин родства; *daş* = *da* (аффикс местного падежа) + *eş* («партнер»). По нашему мнению, языковая единица *kağadaş* в этой фонетической форме является одним из первичных вариантов слова, о котором идет речь. Считаем, что лексема *adaş* («тезка»), употребляемая в памятниках Рун, сочетаемая со смыслом *yoldaş* («товарищ»), образована от того же корня.

Происходящая от древнетюркского языка фонема *ag-* («утомлять, лишать сил») регулируется вместе с этими лексическими единицами:

Kop anta aikintiğ, arıltığ («Кюль-тигин». (*Многие из вас ослабли там, выбились из сил.*)

Закрепление этой лексической единицы в составе *yorğun-arğın* («уставший»), употребляемой в нашем современном языке и входящей в состав сложных слов, очевидно. Из фоноформы слова отчетливо видно, что *ag-* является коренной морфемой. А морфологический показатель *-ğın*, присоединившийся к корню глагола *ar-*, образует существительное из глаголов.

Хотя этот аффикс и принимает участие в процессе словообразования современного азербайджанского литературного языка, ни глагол *ag-*, ни прилагательное *-ğın* не фиксируются в само-

стоятельном в виде в словарном составе нашего языка. Но, привлекает внимание семантическая сочетаемость содержания между компонентами сложноструктурного слова *yorğun-arğın*:

Az - [*то есть ar (maq)*] // *yormaq* («утомлять»);

Aril - [*то есть aril (maq)*] // *yogulmaq* («утомляться»);

Arğın // *yorğun*.

Значит, сегодня слово *yorğun-arğın*, часто употребляемое как в литературном азербайджанском языке, так и в разговорной речи, на самом деле несет смысловую нагрузку *yorğun-yorğun*.

Такие лексические единицы, как *sab* (= *söz*) *sığta* (= *ağlamaq*), *yörə* (= *yan*), *kü* (= *səs*), заимствованные из древнетюркского, используются в корнях таких лексических единиц, как: *söz-sav* («слово»), *ağlamaq-sitqamaq* («плакать»), *yan-yörə* («вокруг»), *səs-küy* («звуки», «шум-гам»). Эти лексические единицы создают пары, содержащие в себе однозначность (*söz-sav* = *söz-söz*, *ağlamaq-sitqamaq* = *ağlamaq-ağlamaq*, *yan-yörə* = *yan-yan*, *səs-küy* = *səs-səs*). Это, с одной стороны, доказывает бессмертие словарных единиц, принадлежащих древнетюркскому языку, с другой стороны, направляет научную мысль к древней истории стабилизации словарных составов тюркских языков.

В азербайджанском тюркском XVII в. встречаются такие языковые единицы, которые, хоть и сохраняются в несамостоятельном виде внутри сложной лексической единицы, но не выражают однозначность. *Var (maq)* – одна из них. Эта языковая единица, параллелизирующаяся со словом *get (mək)* («ходить», «идти»), в литературном азербайджанском языке XVII в., утрачивает активность. В XVII в. наряду со многими древнетюркскими словами глагол *var (maq)* архаизируется. А словарная единица *get (mək)* употребляется все чаще. Хотя эта лексическая единица зафиксирована в словарном составе азербайджанского тюркского XVII в.:

Ta sərvi ona söyləyeydi əhval. Bir gecə uyxuya vardı əğyar (Месихи);

Vanb mən kimədim dadü-bidad, Özüüm özüümə etdim zülmü bidad (Федаи).

Эта лексическая единица закрепились в составе слова *var-gəl* («рассказывание»), зафиксированного и активно употребляемого в современном азербайджанском литературном языке. Его отличие от других в том, что архаизировавшаяся лексема обуславливает антонимию: *var-gəl* = *get-gəl*. И в текстах классической литературы до XVII в. (*Gəlin varalım, şol yigidi gətirəlim* («Китаби-Деде Горгуд»); *Var bir dərdim ki, çox dərməndan artıqdır mənə, Qoy mənə dərdimlə, dərmən eylənə, var, ey*

həkim (Физули), и в древнетюркских письменных памятниках (*Er abka barmış / Муж пошел на охоту* («Ырк-битик» (Джафаров, 1970: 73–79); *Beq eç yontunaru barmış, ak bisi kulunlamış / Муж-бек пошел к табуну, белая кобылица была беременная.*

Фонетическая форма *bar (maq)* сохраняется во многих тюркских языках. В. Радлов тоже фиксирует этот вариант. Языковой пример, о котором мы говорим, сегодня встречается в некоторых наших диалектах: *Mən varif gederəm; Mən bardım dostumun yanına getdim*.

Таким образом, архаизированная лексическая единица *var (maq)* сегодня употребляется в качестве диалектизма.

Это же касается глагола *yox*- (= *qalxmaq* – «подниматься»). Став компонентом слова *eniş-yoxuş*, он выражает противоположное значение. Основываясь на глаголе *yox*-, зафиксированном в древнетюркских источниках, мы доказываем связь первой части этого слова со словом *en (mək)*, а второй – со словом *qalx (maq)*. Эти лексические единицы составляют меньшинство. *Var (maq)*, то есть *get (mək)*, *yox (maq)*, то есть *qalxmaq*.

В целом, изменения, произошедшие в литературном языке в XVII в., связаны со стабилизацией лексической нормы в конце XVI – начале XVII в.

Слово *dal* эквивалентуется с семантическим содержанием *budaq* («ветка»). Это слово, закрепившееся в азербайджанском литературном языке XVII в. (*Mən Aşıq dalda yeri, Bülbülün dalda yeri* (Сары Ашуг)) можно считать одним из примеров общетюркского словарного фонда. Эта лексическая единица, используемая в языке в разных фонетических вариантах (*dal // tal*), широко употреблялась до указанного исторического периода (*Qayın dalı yeləgindən şum altunlu, mənim oxum* (Китаби-Деде Горгуд); *Yazıq bülbül gül dalmda tünədi* (Хатаи), но в XVII в. становится менее активной. Это помешало ее закреплению в современном азербайджанском литературном языке. Хотя она употребляется в качестве элемента сложного слова *qarğıdalı* («кукуруза»); *qarğı budağı* («ветка кукурузы»). Таким образом, словарная единица *dal* имеет исторически обусловленную смысловую нагрузку.

Глагол *qon (maq)* употребляется в значении «поселиться». Это слово имеет тоже значение в азербайджанском литературном языке XVII в.:

Kim qondu ona, yedirdi nanın; ol nan əvəzinə aldı canm; Şah ol gecə girmədi hisarə, Ordu ilə qondu bir kənarə (Месихи); *Bu dünya karvansaradı, Hər gələn qonar; əylənməz* (Ашуг Аббас Туфарганлы).

В современном азербайджанском языке это слово употребляется для определения приземле-

ния летающего создания. Свой первичный смысл оно обретает в лексеме *gəcəqəndu* < *gəcə qəndu* («приземлился ночью»): *Gecə qəndu* (= *Gecə məskunlaşdı* («ночью поселился»)) > *ğecə qəndu* (= *Gecə məskunlaşdı*).

Очевидно, что лексемы, взятые нами из источников XVII в., хоть и утратили свое историческое значение, но дошли до нашего времени в составе сложных слов. Именно эти лексемы определяют сложное строение таких слов. Следует подчеркнуть, что эти лексемы, повторяясь, усиливают значение таких слов. Современный словарный вариант соединяется с архаичным.

Таким образом, язык в своем развитии соединяет историю и современность. В XVII в. существовал арабо-персидский-тюркский лингвистический синтез, а к XVIII в. тюркская ветвь становится ведущим направлением. Тюркские слова, употребляемые в тексте «Китаби-Деде Горгуд», не встречаются в языке Гасаноглу, Гази Бурханеддина, Насими, Хатаи, Физули. Это естественно. Потому что аруз вытеснил слова тюркского происхождения. Изменения, происходящие в языке в XVII в., стали результатом новых процессов – дифференциации, стабилизации и демократизации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Азербайджанский диалектологический словарь. Анкара : Киличаслан Матбачилик, 1999. 374 с.
2. Аль-Андалуси Асиреддин Абу Хайян. *Китаб валь-идрак ли-лisan аль-атрак* / перевод с арабского З. Буниатова. Баку, 1992. 115 с.
3. Гаджиев Т. История азербайджанского литературного языка. Баку : Элм, 2012. Ч. 1. 476 с.
4. Джафаров С. Современный азербайджанский язык. Баку : Maarif, 1970. 155 с.
5. Мамедов Ю. Лексико-семантическое развитие слов в азербайджанском языке. Баку, 1987. 83 с.
6. Баскаков Н. Каракалпакский язык. Москва : Изд-во АН СССР, 1951. Т. 1 : Материалы по диалектологии. 411 с.
7. Древнетюркский словарь. Ленинград : Наука, 1969. 676 с.

REFERENCES

1. Azerbaidzhanskii dialektologicheskii slovar. Ankara : Kilichaslan Matbachilik, 1999. 374 s.
2. Al-Andalusi Asireddin Abu Khaiian. *Kitab val-idrak li-lisan al-atrak* / perevod s arabskogo Z. Buniatova. Baku, 1992. 115 s.
3. Gadzhiev T. Istoriia azerbaidzhanskogo literaturnogo iazyka. Baku : Elm, 2012. Part 1. 476 s.
4. Dzhaфарov S. Sovremennyi azerbaidzhanskii iazyk. Baku : Maarif, 1970. 155 s.
5. Mamedov Yu. Leksiko-semanticheskoe razvitie slov v azerbaidzhanskom iazyke. Baku, 1987. 83 s.
6. Baskakov N. Karakalpakskii iazyk. Moscow : Izd-vo AN SSSR, 1951. Part 1 : Materialy po dialektologii. 411 s.
7. Drevnetiurkskii slovar. Leningrad : Nauka, 1969. 676 s.